

Мы предлагаем вниманию читателей фрагменты отдельных глав.

I. О двух Марисах, с которых все началось

...искусство заключается в умении скрыть искусство" Ж.Ж.Новерр

Я сижу в квартире, расположенной в доме на улице Неждановой, где в свое время жила знаменитая Екатерина Гельдер, prima Большого театра, любимица балетной публики двух миров...

Тишина. С огромного полотна на меня надменно взирает Красс, и умиротворенно смотрят святые со старинных икон. Жена в театре, дети в школе, в Большом — выходной. Наконечно-то могу побыть один, никого не делая, могу поговорить сам с собой.

Меня часто спрашивают: "Какой вы, Марис? Кто вы на самом деле?"

В одном интервью я уже сказал: "Между тем Марисом, который, помнящая портфельником, шел в школу в Риге, и тем, который сегодня подлезывает к Большому театру на машину марки "Трамбли" или "Вольво" — нет никакой разницы. Абсолютно никакой! Они оба стоят на той же прокладной потной земле, и для них обих пугевоидной звездой является зашифрованное обещание, записанное в дневнике мальчишеской рукой — "Я буду танцевать принца Зигфрида!"

Они исполнили свое обещание. Они намерены это делать и впредь.

Но пружины действия были, есть и будет совсем другие.

Вечное стремление перебороть себя.

Рядом с Марисом, сентиментально и страстно влюбленным в балет, который говорит себе: "Как это прекрасно, поэтично, чудно!" — рядом с ним постоянно сидит другой, который отвечает: "Это будет одно сплошное насилие над собой. И ты все еще ждешь этого!"

Рядом с Марисом, который шепочет иномарками автомобиля (первый в театре) и любит на званых обедах слушать комплименты от поклонниц и поклонников ("Марис, какой вы гениальный!") — рядом с ним находится второй, который ехидно замечает: "Ты, артист — как противно ты станцевал последнего "Спартак"! Теперь ты должен соробить за два дня четыре кило жира!"

Рядом с Марисом, который собирает иконы, античные гонимые, любит подводное плавание, шик, шампанское, остроумные "мальчишечки" в Саундунесском банке по четвергам, — рядом опять тот, которому для подробных удовольствий не хватает времени, денег, настроения, сил. Только балет, балет.

Рядом, вечно рядом, со спешащим, злым, гордым — рядом тот, который любит покой, тишину, который не стыдится слез и умеет быть нежным.

А еще бывает ироничным к себе и к другим, высокомерным, капризным, черствым.

Кто живет в этом человеке? — Не спрашивайте! Спросите лучше другое: кто из этих двух настоящий? Ибо для него самого подобный вопрос все еще кажется очень трудным.

II. Об азбуке

Каждый, кто намерен покончить себя искусством павши, должен прежде тщательно извясить все недостатки и недостатки своего телосложения. Если же недостатки эти могут быть исправлены способом прилежания, беспрекословных упражнений, а также соевыми и выстигивающей унгою, просвещенно учителя, сам не следует пренебрегать ни одним из средств, могущих способствовать успешному зтих недостатков. Ж.Ж.Новерр

Когда журналисты спрашивают: "Что вы взяли с собой в дорогу из дома, из Риги?", — отвечаю одним словом: "Азбуку". Тот минимум, то зерно, без которого никакого начинания невозможно.

В этой моей азбуке буквы расположены немаложко по-другому, чем в азбуке настоящей. Не буквы, — а вроде бы целые слова, понятия. И первое из них — Мама.

В нашей семье любили музыку, театр, живопись. И несмотря на то, что родителям часто приходилось исполнять весьма прозаичные обязанности служащих (особенно хозяйственной и деловой была мама), искусство становилось главной темой разговоров, споров, всеобщего интереса.

Латыши, по сути своей, хотя и землевладельческий народ, выходцы из деревни, "мужики", в душе — очень поэтичны. "Театральный дух" витает в воздухе Риги. Тридцатипятилетний сводный хор на Праздниках песни, десять тысяч танцоров, одновременно пляшущих на зеленом ковре стадиона "Даугава" — где еще можно увидеть такое? Кто с детства не научится смотреть и слушать, никогда не станет по-настоящему большим артистом.

* Здесь и далее цитаты из книги Ж.Ж.Новерра "Письма о танце".

Друг отца, бывший танцовщик, а затем заучу Хореографического училища Болеслав Милевич, как-то вечером, посмотрев на меня, сказал: "Слушай, Эдис, он у вас какой-то мелководный! Отдай его осенью к нам в балетную школу — станет сильным и ловким!", — то перспектива занятий балетом меня ничуть не обрадовала.

Уже не помню, как мама уговорила меня не бросать учебу (наверное, помогло то, что я верил ей как никому). И со временем я начал привыкать к нудным упражнениям в балетном классе, хотя занятия спортом казались тогда намного интереснее.

Утром, выходя на лыжах, плавание. Особенно последнее. Ведь я тоже принадлежал к поколению мальчишек, которым не давали покоя лавры "Тарасана" — великого пловца Джони Вейсмоллера. В ту пору я был похож на лягушонка — тонкие ноги, длинные большие ступни. После первых успехов в плавании я ощутил радость от того, что некоторые вещи удаются мне лучше, чем парням постарше. И постепенно из лягушонка я превратился в спортивного, довольно крепкого юношу.

Конечно, это случилось не по мановению волшебной палочки. Впервые чемпионом Латвии по вольному стило на средних дистанциях я стал в 1954 году, и удержал этот титул в течение еще двух лет.

С занятием балетом происходило нечто похожее. Я еще был подростком, но уже почувствовал себя артистом, оозвал, что стремился к большему. Каждый день заставлял себя делать что-то новое, более трудное, чем выполнял вчера.

Во время весенних школьных каникул 1950 года я впервые отправился в Москву вместе с юными ученицами Интой Каруле, Галиной Ждановой, Лидой Тураевой. На Всесоюзном смотре младших классов хореографических училищ мы показывали четыре номера. Три из них попали в последний тур, а я участвовал в двух финальных показах.

Сегодня я уже не считаю, что свое карьеру "большого артиста" начал в 1950 году. Просто ситуация в театре была таковой, что тринадцатилетнему мальчику приходилось исполнять не только детские роли в детских балетках, но и выступать во "взрослых" партиях.

Нужно пройти и через эти маленькие роли. Это азбука. Чтобы потом не водить пальцем по книгам, так и не понимая, что же там написали великие писатели, из произведений которых (еще со времен Новерра) черпают идеи балетмейстеры современности. Чтобы знать их назисту и читать с выражением, громко. Или нежно, вполголоса. Или умиротворенно, злобно. Но всегда правдиво.

Не стану называть сейчас тех красивых молодых парней, которые в Риге или в Москве — из репетиционного класса училища часто вышли на сцену, получив премьерские партии и танцуют теперь альбертов, ромео, иванов грозных... Вот так и танцуют, без прописной буквы в именах своих героев. Как с белого листа. Симпатичные лица. Но им не хватает лишь "мелочи" — зазвучать.

В начале пятидесятых мне просто повезло. В эти годы летом в Ригу, на Рижское взморье, ездили отдыхать педагоги Московского хореографического училища Николай Тарасов и Елена Сергивская. Тарасов меня заметил в спектаклях "Ромео и Джульетта" и "Лебединое озеро", похвалил. И в один из вечеров вдруг родилась надежда, что в мужском классе, который он набирает, может найтись место и для меня.

В конце лета я отправился в Москву. Николай Иванович экзаменовал меня, и 2 сентября 1953 года меня приняли в Московское хореографическое училище.

Мне было 16 лет, и я впервые расстался с родителями, с домом, с друзьями, с коллегами по театру. Верил ли я в себя? Наверное, не так, как мама. Но все-таки верил. Неизвестное манит. Неизвестное интригует. Неизвестное обещает. И с азбукой под мышкой я ел на поезд "Рига-Москва".

III. Об ученичестве

Если бы у нас было больше хороших учителей, то хороших учеников нашлось бы побольше. Ж.Ж.Новерр

— Aubstehen, autobstehen, mein kleines kind! ("Вставай, вставай, мой маленький!") — меня будит знакомый, но очень милый голос. Борюсь со сном, я вдруг осознаю, что это уже не наша рижская квартира, что я — в Москве, я — ученик Московского хореографического училища, что меня ждет мой первый урок.

Первый урок у Николая Ивановича Тарасова. Наверное, я сейчас немного разочарую тех из вас, кто ожидает от Мариса Ливелья очередное "Veni, vidi, vici" — "тришыл, увидел, победил".

Восьмь парней стоят у станка и под аккомпанемент рояля многократно повторяют все эти бесконечные plie, bottemaüts tendus, fouclüs.

Николай Иванович не довольствовался каким-то одним очень конкретным замечанием — их всегда было сразу несколько, и создавалась целая программа, в которой каждое конкретное задание по-своему приводило к следующему. Вместе с тем выработывалась не застывшая форма танца, а живая, одухотворенная.

Стыдно признаться, но в начале учебы мне еще приходилось бороться с "наследием" тшудного маленького Мариса — в классическом дуэте я еле-еле поднимал наиболее высокую из девушек нашего класса. Но занятия плаванием, гимнастикой, гимнастикой сделали свое дело. Мышцы окрепли, "пресс" выработался, грудная клетка обрела мощь. Ведь чемпионом Латвии я стал именно в свой "московский период", когда приезжал на соревнования в Ри-

гу. И самые тяжелые выпускницы хореографического училища не составляли для меня проблем в дуэтом танце.

Конечно, обрести силу было не просто. Ведь я еще жил "на вырост", а для этого нужно было хорошо питаться. Не хватало денег: деньги вообще обещали неприятным качеством искажать раньше, чем родители присылали очередное "подкрепление". Ведь в Москве рубль (тогда — десятка) имел меньшую покупательную способность, чем в других городах.

У Нимитских ворот, мимо которых проходил ежедневно, находилась очень хорошая шашлычная, где я любил обедать. Меня там уже заметили, и когда видели, что в какой-то день я собираюсь обходиться одним лишь супом, кормили бесплатно мясом. Шеф-поваром там работал настоящий южанин, сочной такой тип, который радовался моему вольному аппетиту. Теперь шашлычная давно уже переехала на Красную Пресню, бывшие официанты стали заведующими залами, директорами и замами, один лишь шеф-повар остался тот же. Я иногда заезжаю туда поесть (конечно, теперь уже не на чужой счет), а он, увидев меня, улыбается и говорит: "Марис! Какой ты снастливый! Берешь балерину за руку, за ногу, за любой место и подымаешь как пушинку. А я что, я только один шашлык переворачиваю. Смотрел я на тебя вчера в телевизор и думал: "Ох, ну какой же ты молодой!"

Но все-таки заботы о еде не стали главными. Москва втянула меня в водоворот культурной жизни того времени. Это очаровывало и увлекало. Ищу банку с кофе, которая почему-то не стоит на своем месте. Пока нахожу и завариваю, проходит чуть ли не полчаса, и настроение уже начинает портиться. Надо было бы немощно поебать, позаниматься гимнастикой, но куда там. Звонит домоправ: "После завтра переезжаете домишко, комарта и было бы хорошо, если бы Марис Эдуардович, тоже выступили — вы же знаете, как к вам прислушиваются".

Увы, наши будни чаще сотканы из тысяч мелочей, на которые вроде бы не надо обращать внимание, но которые иногда оказываются сильнее самого высокого искусства и самого необыкновенного таланта.

Я проснулся и сразу же вспоминаю, что сегодня вечером танцую очень трудный и ответственный спектакль. Все ушли: дети в школу, жена — в свой театр. Ищу банку с кофе, которая почему-то не стоит на своем месте. Пока нахожу и завариваю, проходит чуть ли не полчаса, и настроение уже начинает портиться.

Надо было бы немощно поебать, позаниматься гимнастикой, но куда там. Звонит домоправ: "После завтра переезжаете домишко, комарта и было бы хорошо, если бы Марис Эдуардович, тоже выступили — вы же знаете, как к вам прислушиваются".

Увы, наши будни чаще сотканы из тысяч мелочей, на которые вроде бы не надо обращать внимание, но которые иногда оказываются сильнее самого высокого искусства и самого необыкновенного таланта.

Я проснулся и сразу же вспоминаю, что сегодня вечером танцую очень трудный и ответственный спектакль. Все ушли: дети в школу, жена — в свой театр. Ищу банку с кофе, которая почему-то не стоит на своем месте. Пока нахожу и завариваю, проходит чуть ли не полчаса, и настроение уже начинает портиться.

Надо было бы немощно поебать, позаниматься гимнастикой, но куда там. Звонит домоправ: "После завтра переезжаете домишко, комарта и было бы хорошо, если бы Марис Эдуардович, тоже выступили — вы же знаете, как к вам прислушиваются".

Увы, наши будни чаще сотканы из тысяч мелочей, на которые вроде бы не надо обращать внимание, но которые иногда оказываются сильнее самого высокого искусства и самого необыкновенного таланта.

Я проснулся и сразу же вспоминаю, что сегодня вечером танцую очень трудный и ответственный спектакль. Все ушли: дети в школу, жена — в свой театр. Ищу банку с кофе, которая почему-то не стоит на своем месте. Пока нахожу и завариваю, проходит чуть ли не полчаса, и настроение уже начинает портиться.

Надо было бы немощно поебать, позаниматься гимнастикой, но куда там. Звонит домоправ: "После завтра переезжаете домишко, комарта и было бы хорошо, если бы Марис Эдуардович, тоже выступили — вы же знаете, как к вам прислушиваются".

Увы, наши будни чаще сотканы из тысяч мелочей, на которые вроде бы не надо обращать внимание, но которые иногда оказываются сильнее самого высокого искусства и самого необыкновенного таланта.

Я проснулся и сразу же вспоминаю, что сегодня вечером танцую очень трудный и ответственный спектакль. Все ушли: дети в школу, жена — в свой театр. Ищу банку с кофе, которая почему-то не стоит на своем месте. Пока нахожу и завариваю, проходит чуть ли не полчаса, и настроение уже начинает портиться.

Надо было бы немощно поебать, позаниматься гимнастикой, но куда там. Звонит домоправ: "После завтра переезжаете домишко, комарта и было бы хорошо, если бы Марис Эдуардович, тоже выступили — вы же знаете, как к вам прислушиваются".

Увы, наши будни чаще сотканы из тысяч мелочей, на которые вроде бы не надо обращать внимание, но которые иногда оказываются сильнее самого высокого искусства и самого необыкновенного таланта.

Я проснулся и сразу же вспоминаю, что сегодня вечером танцую очень трудный и ответственный спектакль. Все ушли: дети в школу, жена — в свой театр. Ищу банку с кофе, которая почему-то не стоит на своем месте. Пока нахожу и завариваю, проходит чуть ли не полчаса, и настроение уже начинает портиться.

Надо было бы немощно поебать, позаниматься гимнастикой, но куда там. Звонит домоправ: "После завтра переезжаете домишко, комарта и было бы хорошо, если бы Марис Эдуардович, тоже выступили — вы же знаете, как к вам прислушиваются".

Увы, наши будни чаще сотканы из тысяч мелочей, на которые вроде бы не надо обращать внимание, но которые иногда оказываются сильнее самого высокого искусства и самого необыкновенного таланта.

Я проснулся и сразу же вспоминаю, что сегодня вечером танцую очень трудный и ответственный спектакль. Все ушли: дети в школу, жена — в свой театр. Ищу банку с кофе, которая почему-то не стоит на своем месте. Пока нахожу и завариваю, проходит чуть ли не полчаса, и настроение уже начинает портиться.

Надо было бы немощно поебать, позаниматься гимнастикой, но куда там. Звонит домоправ: "После завтра переезжаете домишко, комарта и было бы хорошо, если бы Марис Эдуардович, тоже выступили — вы же знаете, как к вам прислушиваются".

Увы, наши будни чаще сотканы из тысяч мелочей, на которые вроде бы не надо обращать внимание, но которые иногда оказываются сильнее самого высокого искусства и самого необыкновенного таланта.

Я проснулся и сразу же вспоминаю, что сегодня вечером танцую очень трудный и ответственный спектакль. Все ушли: дети в школу, жена — в свой театр. Ищу банку с кофе, которая почему-то не стоит на своем месте. Пока нахожу и завариваю, проходит чуть ли не полчаса, и настроение уже начинает портиться.

Надо было бы немощно поебать, позаниматься гимнастикой, но куда там. Звонит домоправ: "После завтра переезжаете домишко, комарта и было бы хорошо, если бы Марис Эдуардович, тоже выступили — вы же знаете, как к вам прислушиваются".

Увы, наши будни чаще сотканы из тысяч мелочей, на которые вроде бы не надо обращать внимание, но которые иногда оказываются сильнее самого высокого искусства и самого необыкновенного таланта.

Я проснулся и сразу же вспоминаю, что сегодня вечером танцую очень трудный и ответственный спектакль. Все ушли: дети в школу, жена — в свой театр. Ищу банку с кофе, которая почему-то не стоит на своем месте. Пока нахожу и завариваю, проходит чуть ли не полчаса, и настроение уже начинает портиться.

Надо было бы немощно поебать, позаниматься гимнастикой, но куда там. Звонит домоправ: "После завтра переезжаете домишко, комарта и было бы хорошо, если бы Марис Эдуардович, тоже выступили — вы же знаете, как к вам прислушиваются".

Увы, наши будни чаще сотканы из тысяч мелочей, на которые вроде бы не надо обращать внимание, но которые иногда оказываются сильнее самого высокого искусства и самого необыкновенного таланта.

Я проснулся и сразу же вспоминаю, что сегодня вечером танцую очень трудный и ответственный спектакль. Все ушли: дети в школу, жена — в свой театр. Ищу банку с кофе, которая почему-то не стоит на своем месте. Пока нахожу и завариваю, проходит чуть ли не полчаса, и настроение уже начинает портиться.

Надо было бы немощно поебать, позаниматься гимнастикой, но куда там. Звонит домоправ: "После завтра переезжаете домишко, комарта и было бы хорошо, если бы Марис Эдуардович, тоже выступили — вы же знаете, как к вам прислушиваются".

Увы, наши будни чаще сотканы из тысяч мелочей, на которые вроде бы не надо обращать внимание, но которые иногда оказываются сильнее самого высокого искусства и самого необыкновенного таланта.

Я проснулся и сразу же вспоминаю, что сегодня вечером танцую очень трудный и ответственный спектакль. Все ушли: дети в школу, жена — в свой театр. Ищу банку с кофе, которая почему-то не стоит на своем месте. Пока нахожу и завариваю, проходит чуть ли не полчаса, и настроение уже начинает портиться.

Надо было бы немощно поебать, позаниматься гимнастикой, но куда там. Звонит домоправ: "После завтра переезжаете домишко, комарта и было бы хорошо, если бы Марис Эдуардович, тоже выступили — вы же знаете, как к вам прислушиваются".

Увы, наши будни чаще сотканы из тысяч мелочей, на которые вроде бы не надо обращать внимание, но которые иногда оказываются сильнее самого высокого искусства и самого необыкновенного таланта.

Я проснулся и сразу же вспоминаю, что сегодня вечером танцую очень трудный и ответственный спектакль. Все ушли: дети в школу, жена — в свой театр. Ищу банку с кофе, которая почему-то не стоит на своем месте. Пока нахожу и завариваю, проходит чуть ли не полчаса, и настроение уже начинает портиться.

вый концерт Клавдии Шульженко, до того знакомой по старым пластинкам "His Masters Vois". Третьяковка. Музей Пушкина. Все это нужно было усвоить, сделать своим, родным. Я старался стать настоящим москвичом.

Но в 12.45 опять ждал станок.

V. О повседневном ритме

Танцевальная судья, следовало бы придерживаться тех же правил, что и в других видах спорта, соблюдая те же предосторожности, какие соблюдают они перед тем, как идти на борьбу или на бой. Ж.Ж.Новерр

От моего сына, дочери, учеников я часто слышу вопрос: "Что мне делать в этом случае?.. в другом?.. в третьем?.."

Утром в Большой театр ежедневно приходит Уланова, Семеновна, Плисскал, Максимов, Васильев, Ливета, Павлова. Кто-то со стороны может показаться, что эти будни "звезд" не похожи на повседневную суету обычных людей.

Увы, наши будни чаще сотканы из тысяч мелочей, на которые вроде бы не надо обращать внимание, но которые иногда оказываются сильнее самого высокого искусства и самого необыкновенного таланта.

Я проснулся и сразу же вспоминаю, что сегодня вечером танцую очень трудный и ответственный спектакль. Все ушли: дети в школу, жена — в свой театр. Ищу банку с кофе, которая почему-то не стоит на своем месте. Пока нахожу и завариваю, проходит чуть ли не полчаса, и настроение уже начинает портиться.

Надо было бы немощно поебать, позаниматься гимнастикой, но куда там. Звонит домоправ: "После завтра переезжаете домишко, комарта и было бы хорошо, если бы Марис Эдуардович, тоже выступили — вы же знаете, как к вам прислушиваются".

Увы, наши будни чаще сотканы из тысяч мелочей, на которые вроде бы не надо обращать внимание, но которые иногда оказываются сильнее самого высокого искусства и самого необыкновенного таланта.

Я проснулся и сразу же вспоминаю, что сегодня вечером танцую очень трудный и ответственный спектакль. Все ушли: дети в школу, жена — в свой театр. Ищу банку с кофе, которая почему-то не стоит на своем месте. Пока нахожу и завариваю, проходит чуть ли не полчаса, и настроение уже начинает портиться.

Надо было бы немощно поебать, позаниматься гимнастикой, но куда там. Звонит домоправ: "После завтра переезжаете домишко, комарта и было бы хорошо, если бы Марис Эдуардович, тоже выступили — вы же знаете, как к вам прислушиваются".

Увы, наши будни чаще сотканы из тысяч мелочей, на которые вроде бы не надо обращать внимание, но которые иногда оказываются сильнее самого высокого искусства и самого необыкновенного таланта.

Я проснулся и сразу же вспоминаю, что сегодня вечером танцую очень трудный и ответственный спектакль. Все ушли: дети в школу, жена — в свой театр. Ищу банку с кофе, которая почему-то не стоит на своем месте. Пока нахожу и завариваю, проходит чуть ли не полчаса, и настроение уже начинает портиться.

Надо было бы немощно поебать, позаниматься гимнастикой, но куда там. Звонит домоправ: "После завтра переезжаете домишко, комарта и было бы хорошо, если бы Марис Эдуардович, тоже выступили — вы же знаете, как к вам прислушиваются".

Увы, наши будни чаще сотканы из тысяч мелочей, на которые вроде бы не надо обращать внимание, но которые иногда оказываются сильнее самого высокого искусства и самого необыкновенного таланта.

Я проснулся и сразу же вспоминаю, что сегодня вечером танцую очень трудный и ответственный спектакль. Все ушли: дети в школу, жена — в свой театр. Ищу банку с кофе, которая почему-то не стоит на своем месте. Пока нахожу и завариваю, проходит чуть ли не полчаса, и настроение уже начинает портиться.

Надо было бы немощно поебать, позаниматься гимнастикой, но куда там. Звонит домоправ: "После завтра переезжаете домишко, комарта и было бы хорошо, если бы Марис Эдуардович, тоже выступили — вы же знаете, как к вам прислушиваются".

Увы, наши будни чаще сотканы из тысяч мелочей, на которые вроде бы не надо обращать внимание, но которые иногда оказываются сильнее самого высокого искусства и самого необыкновенного таланта.

Я проснулся и сразу же вспоминаю, что сегодня вечером танцую очень трудный и ответственный спектакль. Все ушли: дети в школу, жена — в свой театр. Ищу банку с кофе, которая почему-то не стоит на своем месте. Пока нахожу и завариваю, проходит чуть ли не полчаса, и настроение уже начинает портиться.

Надо было бы немощно поебать, позаниматься гимнастикой, но куда там. Звонит домоправ: "После завтра переезжаете домишко, комарта и было бы хорошо, если бы Марис Эдуардович, тоже выступили — вы же знаете, как к вам прислушиваются".

Увы, наши будни чаще сотканы из тысяч мелочей, на которые вроде бы не надо обращать внимание, но которые иногда оказываются сильнее самого высокого искусства и самого необыкновенного таланта.

Я проснулся и сразу же вспоминаю, что сегодня вечером танцую очень трудный и ответственный спектакль. Все ушли: дети в школу, жена — в свой театр. Ищу банку с кофе, которая почему-то не стоит на своем месте. Пока нахожу и завариваю, проходит чуть ли не полчаса, и настроение уже начинает портиться.

Надо было бы немощно поебать, позаниматься гимнастикой, но куда там. Звонит домоправ: "После завтра переезжаете домишко, комарта и было бы хорошо, если бы Марис Эдуардович, тоже выступили — вы же знаете, как к вам прислушиваются".

Увы, наши будни чаще сотканы из тысяч мелочей, на которые вроде бы не надо обращать внимание, но которые иногда оказываются сильнее самого высокого искусства и самого необыкновенного таланта.

Я проснулся и сразу же вспоминаю, что сегодня вечером танцую очень трудный и ответственный спектакль. Все ушли: дети в школу, жена — в свой театр. Ищу банку с кофе, которая почему-то не стоит на своем месте. Пока нахожу и завариваю, проходит чуть ли не полчаса, и настроение уже начинает портиться.

Надо было бы немощно поебать, позаниматься гимнастикой, но куда там. Звонит домоправ: "После завтра переезжаете домишко, комарта и было бы хорошо, если бы Марис Эдуардович, тоже выступили — вы же знаете, как к вам прислушиваются".

Увы, наши будни чаще сотканы из тысяч мелочей, на которые вроде бы не надо обращать внимание, но которые иногда оказываются сильнее самого высокого искусства и самого необыкновенного таланта.

Я проснулся и сразу же вспоминаю, что сегодня вечером танцую очень трудный и ответственный спектакль. Все ушли: дети в школу, жена — в свой театр. Ищу банку с кофе, которая почему-то не стоит на своем месте. Пока нахожу и завариваю, проходит чуть ли не полчаса, и настроение уже начинает портиться.

Надо было бы немощно поебать, позаниматься гимнастикой, но куда там. Звонит домоправ: "После завтра переезжаете домишко, комарта и было бы хорошо, если бы Марис Эдуардович, тоже выступили — вы же знаете, как к вам прислушиваются".

Увы, наши будни чаще сотканы из тысяч мелочей, на которые вроде бы не надо обращать внимание, но которые иногда оказываются сильнее самого высокого искусства и самого необыкновенного таланта.

Я проснулся и сразу же вспоминаю, что сегодня вечером танцую очень трудный и ответственный спектакль. Все ушли: дети в школу, жена — в свой театр. Ищу банку с кофе, которая почему-то не стоит на своем месте. Пока нахожу и завариваю, проходит чуть ли не полчаса, и настроение уже начинает портиться.

Надо было бы немощно поебать, позаниматься гимнастикой, но куда там. Звонит домоправ: "После завтра переезжаете домишко, комарта и было бы хорошо, если бы Марис Эдуардович, тоже выступили — вы же знаете, как к вам прислушиваются".

Увы, наши будни чаще сотканы из тысяч мелочей, на которые вроде бы не надо обращать внимание, но которые иногда оказываются сильнее самого высокого искусства и самого необыкновенного таланта.

Я проснулся и сразу же вспоминаю, что сегодня вечером танцую очень трудный и ответственный спектакль. Все ушли: дети в школу, жена — в свой театр. Ищу банку с кофе, которая почему-то не стоит на своем месте. Пока нахожу и завариваю, проходит чуть ли не полчаса, и настроение уже начинает портиться.

Надо было бы немощно поебать, позаниматься гимнастикой, но куда там. Звонит домоправ: "После завтра переезжаете домишко, комарта и было бы хорошо, если бы Марис Эдуардович, тоже выступили — вы же знаете, как к вам прислушиваются".

ваются". Звонит Нина Григорьевна, старший друг нашей семьи — к ней неожиданно-негаданно приехали родственники из Сибири и очень хотели бы посмотреть мой спектакль. Говоришь ей, что уже поздно, что билеты нужно было заказывать заранее, хотя бы вчера, но сам уже раздумываешь — как же достать

И не надо нас в это мгновение творчеством избирать некими "мыслителями" с эйнштейновскими лбами! Мы простые труженики, выполняющие неизменно сложную работу. Балетные "эйштейны" рождались и умирали в репетиционном зале — сочиняя, углубляя и отшлифовывая партию. А сейчас я только что существую во Вселенной, может служить ей образцом. Ж.Ж.Новерр

И все-таки я должен признать в одном маленьком грехе, слабости, что ли: меня притягивают и претит имена знаменитостей.

Утром, когда я открываю окно в незнакомом отеле незнакомом города, я радуюсь не столько прекрасной панораме и экзотическому виду, сколько яркому солнцу, что сегодня, возможно, встречу меня яркостью своей личности, может быть — даже станет моим другом, а может быть — оставит лишь мимолетный след на страницах моего дневника или фотоальбома.

Иногда я возвращаюсь в эту красочную карусель воспоминаний.

Рим. С вечным городом меня познакомил Федор Шаляпин. Сын гениального русского певца, который тоже постоянно думает о далекой родине, и всегда старается не пропустить встречу с русским искусством. Мы целый день катались по Риму на его стареньком фьорде, и я мысленно перенесся в античную эпоху. Где-то на Аппиевой дороге и в Коллизею "музыка древнего Рима" зазвучала во мне с такой силой, что мне показалось — эскадр сейчас не выдержит. Зато через день, в балете "Спартак" мой Красс больше чем когда-либо чувствовал себя подлинным сыном Рима.

После спектакля ко мне зашел Франко Дзефирелли и сказал: "Ваш Красс, синьор Ливета, это, безусловно, фантастическая работа и большая актерская удача!"

На что я моментально ему ответил: "Синьор Дзефирелли, моя работа — ничто по сравнению с вашей постановкой "Аиды" в "Ковент-Гардене".

В Нью-Йорке. После "Класс-концерта" раздаю автографы поклонникам балета. И тут ко мне пробегает маленькая, очень милонидная девочка с листом бумаги